

Карл Густав Юнг

Инстинкт и бессознательное

Рассматриваемая тема имеет большое значение как для биологии, так и для психологии и философии. Но перед обсуждением связи инстинкта с бессознательным, необходимо прежде всего четко определиться с терминологией.

Что касается определения инстинкта, то я хотел бы подчеркнуть значение реакции "все или ничего", сформулированной Риверсом; мне кажется, что эта особенность инстинктивной деятельности имеет особенно важное значение для психологической стороны проблемы.

Я ограничу себя этим аспектом вопроса, потому что не считаю себя компетентным рассматривать проблему инстинкта в его биологическом аспекте. Но пытаясь дать психологическое определение инстинктивной деятельности, я обнаруживаю, что не могу всецело положиться на критерий Риверса — реакцию "все или ничего" — по следующим причинам: Риверс определяет эту реакцию как процесс, интенсивность которого не зависит от условий, его породивших.

Это — реакция, имеющая некую собственную интенсивность, при любых условиях независимую от вызвавшего ее раздражителя. Но если рассмотреть психологические процессы сознания, задавшись вопросом, а есть ли среди них такие, интенсивность которых абсолютно несоразмерна силе раздражителя, то окажется, что их великое множество у любого человека. Например, вызванные пустяками эмоции, впечатления, преувеличенные побуждения, далеко заходящие намерения и тому подобные явления. Отсюда вытекает, что эти процессы вряд ли можно классифицировать как инстинктивные, и потому нам следует поискать другой критерий.

Мы очень часто применяем слово "инстинкт" в обычной речи. Так, мы говорим об "инстинктивных действиях", имея в виду такое поведение, мотив и цель которого не осознаны полностью, и которое можно объяснить лишь скрытой внутренней необходимостью. Эту особенность уже отмечал английский писатель Томас Рейд "Под инстинктом я подразумеваю природный импульс к некоторым действиям, совершаемым без какой-либо цели, обдумывания или представления о том, что мы делаем". (Томас Рейд, Очерки об активных силах человека. Эдинбург. 1788. С. 103.)

Таким образом, инстинктивное действие характеризуется бессознательностью стоящего за ним психологического мотива в противоположность строго сознательным процессам, отличающимся непрерывностью осознания их мотивов. Инстинктивное действие представляется более или менее внезапным психологическим явлением-своего рода прерыванием непрерывности сознания. В этом отношении оно ощущается как внутренняя потребность, что фактически является определением инстинкта по Канту. (И. Кант, Антропология // Собр. соч. / Под ред. Э. Кассирера. Берлин, 1912–1922. Т. 8. С. 156.)

Следовательно, инстинктивную деятельность следует отнести к специфическим бессознательным процессам, доступным сознанию лишь через их результаты. Но если довольствоваться таким понятием инстинкта, то вскоре станет заметна его недостаточность: оно просто отделяет инстинкт от сознательных процессов, характеризуя его как процесс бессознательный. Если же, с другой стороны, рассматривать бессознательные процессы в целом, будет видно, что все их невозможно классифицировать как инстинктивные, хотя в обыденной речи между ними не проводится различия. Если вы вдруг увидите змею и сильно испугаетесь, вы вправе назвать это инстинктивным импульсом, потому что он не отличается от инстинктивной боязни змей у обезьян.

Наиболее характерными качествами инстинктивного действия являются, прежде всего, единообразие явления и регулярность его повторения. Как удачно отметил Ллойд Морган, биться об заклад в отношении инстинктивной реакции также не интересно, как и в

отношении завтрашнего восхода солнца.

С другой стороны, может также случиться, что кого-то постоянно охватывает страх каждый раз, когда он видит совершенно безобидную курицу. И хотя механизм страха в этом случае является таким же неосознанным импульсом, как инстинкт, мы должны, тем не менее, провести различие между двумя этими процессами.

В первом случае страх перед змеей представляет собой общераспространенный целенаправленный процесс; второй же случай, если он вошел в привычку, представляет фобию, а не инстинкт, поскольку возникает изолированно и не является общей для всех особенностью. Существует множество других неосознанных побуждений такого рода: например, навязчивые мысли, музыка, неожиданные идеи и настроения, импульсивные эмоции, депрессии, состояния тревоги и т. д.

Такие явления бывают как у нормальных, так и у больных индивидов. Если они возникают только изолированно и не регулярно, то это не инстинктивные процессы, хотя их психологический механизм кажется соответствующим психологическому механизму инстинкта. Они могут быть описаны в терминах реакции "все или ничего", что можно легко наблюдать в патологических случаях. В психопатологии много таких случаев, где раздражитель вызывает некоторую стабильную и относительно не адекватную его силе реакцию, сравнимую с инстинктивной реакцией.

Все эти процессы следует отличать от инстинктивных. Инстинктивными могут быть названы только те бессознательные процессы, которые являются унаследованными и возникают единообразно и регулярно. В то же время им должен быть присущ признак вынужденной необходимости, рефлексивность такого рода, которая была отмечена Гербертом Спенсером. Такой процесс отличается от простого, сенсорно-моторного рефлекса лишь тем, что является более сложным.

Уильям Джеймс поэтому называет инстинктом, и не без основания, "простой возбуждающе-моторный импульс, вызванный предсуществованием некоторой рефлексной дуги в нервных центрах" (У. Джеймс, Принципы психологии. Нью-Йорк, 1890: В 2 т. Т. 2. С. 391.). Для инстинктов, как и для рефлексов, характерно единообразие и постоянство, а также неосознанность их мотиваций.

Вопрос о том, откуда возникают инстинкты и как они приобретаются, является исключительно сложным. Тот факт, что они всегда унаследованы, ничего не дает для объяснения их происхождения — он просто отодвигает проблему назад к нашим предкам. Широко распространена точка зрения, согласно которой инстинкты возникли в часто повторяющихся индивидуальных, а затем всеобщих волевых актах. Это объяснение правдоподобно постольку, поскольку мы можем ежедневно наблюдать, как определенные усердно заученные действия постепенно становятся автоматическими благодаря постоянной практике.

Но рассматривая замечательные инстинкты, обнаруживаемые в животном мире, мы будем вынуждены признать, что элемент заучивания иногда совершенно отсутствует. В некоторых случаях невозможно даже представить, как вообще может иметь место заучивание и тренировка. Возьмем в качестве примера невероятно утонченный инстинкт размножения у бабочки юкка (*Pronuba yuccasella*) (А.К. фон Марилаун, Естественная история растений. Лондон, 1902: В 2 т. Т. 2. С. 156.). Цветы растения юкка раскрываются только на одну ночь. Бабочка берет пыльцу из одного цветка и делает из нее маленький шарик, затем она садится на второй цветок, раскрывает его пестик, откладывает свои яйца между тычинками и затем вводит шарик в воронкообразное отверстие пестика. Эту сложную операцию бабочка проделывает всего один раз в своей жизни.

Такие случаи трудно объяснить при помощи гипотезы о заучивании и тренировке. Поэтому недавно были выдвинуты новые способы объяснения, основанные на философии Бергсона и делающие упор на факторе интуиции. Интуиция — это бессознательный процесс, результат которого представляет собой вторжение бессознательного содержимого — внезапной идеи или предчувствия-в сознание. (Там же. Ч. 1. С. 26; 4.2. С. 220–223, 258–261.)

Это напоминает процесс восприятия, но в отличие от сознательной деятельности органов чувств и от самоанализа, восприятие является неосознанным. Вот почему мы говорим об интуиции как об "инстинктивном" акте понимания. Она является процессом, аналогичным инстинкту, с той разницей, что инстинкт является целенаправленным импульсом для осуществления некоторого высокосложного действия, тогда как интуиция представляет собой бессознательное целенаправленное понимание крайне сложной ситуации.

Следовательно, в определенном смысле интуиция является противоположностью инстинкту, столь же удивительной, как он. Но нам никогда не следует забывать, что сложное или даже удивительное для нас является отнюдь не удивительным, а совершенно обычным для природы. Мы всегда склонны проецировать на вещи наши собственные трудности понимания, называя их сложными, тогда как в действительности они очень просты и не подозревают о наших интеллектуальных проблемах.

Обсуждение проблемы инстинкта было бы неполным вне связи с концепцией бессознательного, потому что именно инстинктивные процессы делают необходимой вспомогательную концепцию бессознательного. Я определяю бессознательное как совокупность всех психических явлений, не обладающих качеством сознания.

Это содержимое психики уместно было бы назвать "подпороговым", исходя из допущения, что каждый элемент этого содержимого должен обладать определенным энергетическим значением для того, чтобы вообще стать осознанным. Чем меньше значение элемента сознательного содержимого, тем легче оно исчезает под порогом сознания. Отсюда следует, что бессознательное являетсяместищем всех утраченных воспоминаний и всех элементов содержимого психики, которые еще слишком слабы, чтобы стать осознанными.

Эти элементы являются продуктами бессознательной ассоциативной деятельности, которая также порождает сновидения. К ним следует добавить все более или менее намеренно подавленные мучительные мысли и чувства. Я называю сумму всех этих элементов "личностным бессознательным". Но кроме и сверх этого мы можем обнаружить среди бессознательных качеств такие, которые не приобретаются индивидуально, а наследуются, то есть инстинкты как импульсы к осуществлению необходимых действий без осознанной мотивации.

В этом, "более глубоком" слое мы также обнаружим априорные врожденные формы "интуиции", а именно архетипы (Это первый случай, когда Юнг употребляет термин "архетип" (Archetypus). Ранее в своих работах он рассматривал то же понятие, используя термин "первообраз" (Urbild), который позаимствовал у Бюркхадта (См. работы: Символы трансформации // Собр. соч. Т. 5, 45. Примеч. 45; Два очерка по аналитической психологии // Собр. соч. Т. 7. § 108.) восприятия и понимания, являющиеся априорными детерминантами всех психических процессов. Если инстинкты вынуждают человека вести характерный для людей образ жизни, то архетипы ограничивают возможные способы его восприятия и понимания специфически человеческими рамками.

Инстинкты и архетипы, вместе взятые, образуют "коллективное бессознательное". Я называю его "коллективным", потому что в отличие от личностного бессознательного оно состоит не из индивидуальных, более или менее уникальных, элементов, а из элементов универсальных и регулярно возникающих.

Инстинкт в своей основе является коллективным, то есть универсально и регулярно возникающим явлением, не имеющим ничего общего с индивидуальностью. В этом качестве архетипы сходны с инстинктами и являются, как и они, коллективным феноменом.

На мой взгляд, вопрос об инстинктах нельзя рассматривать с психологической точки зрения без привязки к архетипам, потому что по сути они определяют друг друга. Тем не менее, рассмотрение этой проблемы представляется исключительно трудным из-за чрезвычайного разнообразия мнений относительно роли инстинкта в человеческой психологии.

Так, Уильям Джеймс придерживается мнения, что человек переполнен инстинктами,

тогда как другие исследователи сводят их к весьма малому числу процессов, едва отличимых от рефлексов, а именно: к некоторым движениям, характерным для младенца, особенным реакциям его конечностей, гортани, применению правой руки и образованию многосложных звуков. По-моему, это ограничение заходит слишком далеко, хотя оно и весьма характерно для человеческой психологии в целом.

Прежде всего, мы всегда должны помнить, что при рассмотрении человеческих инстинктов мы рассуждаем о самих себе и, следовательно, судим заведомо предвзято.

Нам гораздо удобнее наблюдать инстинкты у животных или дикарей, чем у самих себя. Это объясняется тем, что мы привыкли тщательно рассматривать свои собственные действия и находить им рациональное объяснение. Но это ни в коей мере не означает, что наши объяснения будут безукоризненными, на самом деле это весьма маловероятно.

Нет необходимости в сверхчеловеческом интеллекте, чтобы увидеть сквозь мелководье нашего рационализирования реальный мотив — инстинкт, стоящий за ним.

В результате этого искусственного рационализирования нам может показаться, что нами управляют не инстинкты, а сознательные мотивы. Естественно, я не намерен утверждать, что в результате тщательной тренировки человек не добился частичных успехов в превращении своих инстинктов в волевые действия.

Инстинкт был приручен, но базисные побуждения еще остаются инстинктивными. Несомненно, мы преуспели в заворачивании целого ряда инстинктов в обертку рациональных объяснений настолько, что можем и не признать первоначальный мотив под многочисленными покровами. При таком подходе кажется, будто у нас практически не осталось никаких инстинктов. Но если применить критерий Риверса о неадекватной реакции типа "все или ничего" к человеческому поведению, мы обнаружим множество случаев возникновения неадекватной реакции.

Преувеличение является в действительности универсальной человеческой особенностью, хотя каждый заботливо стремится объяснить свои реакции исходя из рациональных побуждений. Подобной аргументации всегда бывает в избытке, но факт преувеличения остается. Чем же объяснить, что человек делает или говорит, дает или берет не ровно столько, сколько необходимо, разумно или оправдано ситуацией, а зачастую намного больше или меньше? Как раз тем, что в нем запущен бессознательный процесс, идущий своим чередом без помощи разума и потому-то превышающий меру рациональной мотивации, то не доходящий до нес.

Это явление настолько единообразно и устойчиво, что мы можем считать его лишь инстинктивным, хотя никому в этой ситуации не понравится признать инстинктивность своего поведения. Поэтому я склонен считать, что человеческое поведение подвержено влиянию инстинкта в гораздо большей степени, чем обычно считается, и что нам свойственно слишком часто заблуждаться в этом отношении в результате опять-таки инстинктивного преувеличения нашего рационализма.

Инстинкты — это типичные виды действий, и как только мы сталкиваемся с единообразными и регулярно возникающими видами действия и реакции, мы имеем дело с инстинктом, независимо от того, связан он с сознательным мотивом или нет.

Если мы интересуемся, много или мало у человека инстинктов, можно также поднять еще не рассматривавшийся вопрос о том, много или мало у человека первоначальных форм или архетипов психической реакции. Здесь мы сталкиваемся с той же трудностью, о которой я уже упоминал: мы настолько привыкли оперировать общепринятыми и самоочевидными понятиями, что мы даже не осознаем, в какой степени они основаны на архетипических формах восприятия.

Подобно инстинктам, первообразы были еле различимы из-за чрезмерной дифференциации нашего мышления. Подобно тому, как некоторые биологические теории приписывают человеку небольшое число инстинктов, так и теория познания сводит архетипы к немногочисленным и логически ограниченным категориям понимания.

Платон, однако, отводит исключительно высокое значение архетипам как

метафизическим идеям, "парадигмам" или моделям, тогда как реальные вещи у него являются лишь копиями этих идей-моделей.

Средневековая философия со времен Августина Блаженного, у которого я позаимствовал идею архетипа (Подлинный же термин "архетип", однако, встречается в произведениях Дионисия Ареопагита и в "Corpus Hermeticum"), вплоть до Мальбранша и Бэкона, продолжает придерживаться концепции Платона в этом отношении. Но у схоластиков мы встречаем мнение, что архетипы являются естественными образами, врезанными в человеческий разум и помогающими ему приходить к тому или иному суждению.

Так, Герберт Черберийский утверждает "Природные инстинкты — это выражение тех способностей, которые заложены в каждом нормальном человеке и через которые общие понятия, касающиеся внутреннего соответствия вещей, такие как причина, средство и предназначение вещей, добро, зло, красота, удовольствие и т. д. приводятся в соответствие независимо от аргументирующего мышления"(Эдвард, Барон Герберт Черберийский, *De veritate*, впервые опубликована в 1624 году, перевод Мейрика Г.Каррса. Исследования Бристольского университета, 6 (Бристоль, 1937). С.122.).

Со времен Декарта и Мальбранша метафизическое значение "идеи" или архетипа постоянно ослабевало. Она превратилась в "мысль", внутреннее условие познания, как это четко сформулировал Спиноза: "Под "идеями" я понимаю духовное понятие, образуемое душой постольку, поскольку она является вещью мыслящей"(См.: Бенедикт Спиноза, *Этика* / Пер. Андре Бойля. Лондон, Нью-Йорк, 1934. С 37.). Наконец, Кант низвел архетипы до ограниченного числа категорий понимания. Шопенгауэр продолжил процесс упрощения, одновременно придав архетипам почти платоническое значение.

Даже в этом слишком беглом описании мы вновь видим работу того самого психологического процесса, который скрывает инстинкты под покровом рациональных мотиваций и преобразует архетипы в рациональные понятия. В таком обличье лишь с трудом можно распознать архетип.

И все-таки манера, в которой человек строит внутреннюю картину мира, является, несмотря на все различие деталей, такой же единообразной и регулярно повторяющейся, как его инстинктивные действия. Ранее мы были вынуждены постулировать понятие инстинкта, определяющего или регулирующего наши сознательные действия, точно так же мы должны прибегнуть теперь к понятию фактора, определяющего виды понимания, увязав это понятие с единообразием и регулярностью наших восприятия.

Именно этот фактор я называю архетипом или первообразом. Первообраз, вероятно, уместно определить как восприятие инстинктом самого себя или как автопортрет инстинкта, точно так же, как сознание — это внутреннее восприятие объективного жизненного процесса.

Как сознательное понимание придает нашим действиям форму и направление, так и бессознательное понимание через архетип определяет форму и направление инстинкта. Если мы называем инстинкт "утонченным", тогда "интуиция" (или другими словами, понимание через посредство архетипа), которая приводит архетип в действие, должна быть чем-то невероятно точным. Таким образом, бабочка юбка должна нести внутри себя, так сказать, образ ситуации, "приводящей в действие" ее инстинкт. Этот образ позволяет ей "распознавать" цветок юбки и его структуру.

Предложенный Риверсом критерий "все или ничего", помог нам обнаружить действие инстинкта повсюду в человеческой психологии, и не исключено, что понятие, первообраза сыграет такую же роль по отношению к действиям интуитивного понимания. Интуитивную деятельность легче всего наблюдать у первобытных людей. Здесь мы постоянно сталкиваемся с определенными типическими образами и мотивами, лежащими в основе их мифологии. Эти образы являются аутохтонными и возникают со значительным постоянством; повсюду мы обнаруживаем идею волшебной силы или вещества, духов и их деяний, героев и богов, легенды о них.

В великих, мировых религиях мы видим совершенство этих образов и в то же время нарастающее их обволакивание рациональными формами. Они появляются даже в точных науках в качестве основы некоторых незаменимых вспомогательных понятий, таких как энергия, эфир и атом. В философии Бергсон возрождает первообраз на примере своего понятия "duree creatrice", которое можно встретить так же у Прокла и, в его оригинальной форме, у Гераклита.

Аналитическая психология постоянно имеет дело с расстройствами сознательного понимания как у нормальных, так и у больных людей, вызванного наслаиванием архетипических образов. Неадекватные из-за вмешательства инстинктов действия вызываются интуитивными видами понимания, управляемыми архетипами, и ведут чаще всего к возникновению чрезмерно интенсивных и нередко искаженных впечатлений.

Архетипы являются типичными видами понимания, и где бы мы не встретились с единообразными и регулярно возникающими формами понимания, мы имеем дело с архетипом, независимо от того, узнаваем или нет его мифологический характер.

Коллективное бессознательное состоит из суммы инстинктов и их коррелятов — архетипов. Так же как и инстинктами, любой человек обладает и запасом архетипических образов. Наиболее впечатляющим доказательством этого является психопатология умственных расстройств, характеризующихся вторжением коллективного бессознательного. Так обстоит с шизофренией: здесь мы часто можем наблюдать явление архаических импульсов в сочетании с безошибочно узнаваемыми мифологическими образами.

С моей точки зрения, невозможно сказать, что первично-понимание ситуации или импульс к действию. Мне кажется, что они являются аспектами одного и того же жизненного процесса, который мы вынуждены рассматривать как два различных процесса только для удобства понимания.

С любовью,
электронная библиотека
Theosophy-Books.org

